

ВАДИМ КОВДА

ВСЁ РАВНО Я ЛЮБЛЮ

ЕЩЁ О ВОЙНЕ

Ворошили голуби помойку,
ворошили баки у стены.
Находили голуби помногу.
Ворковали, жирны и нежны.

И я вспомнил город тот сутулый,
азиатский город на песке.
А в газетах: ОН уже у Тулы.
А на рынке: ОН уже в Москве.

И восстали вновь сороковые.
Те года святые не предам.
Мы тогда сбегались по России
к пассажирским редким поездам...

Вот стоим,
худы, бритоголовы,
в довоенных продранных портках.
И шапчонки сдавлены в голодных,
грязноватых наших кулаках.

КОВДА Вадим Викторович — москвич, член СП СССР с 1972 года, автор 10 книг стихотворений. Последняя книга вышла в Москве в 2006 году. Живет в Германии в городе Ганновер и в Москве.

* * *

Реки тихие, дали пустые
да лесов неизбывная рать.
Нагляжусь, надышусь на Россию
и поеду в Москву умирать.

Там, в столице, живу ли? дышу ли?
Тьма на сердце — таи не таи...
Арзамасы, Касимовы, Шуи...
Золотые, родные мои.

Привязался я к средней России,
где на сырых полях вороньё,
где просторы гудят ветровые,
где грустят деревеньки её
молчаливые, тёмно-кривые,
так похожи на наше житьё.

Для чего мне сюда так стремиться?
Разве жизнь эта так хороша?
Лес, да небо, да редкая птица.
И душа...

РАБОЧИЙ ПОСЁЛОК

Снег подтаявший, матовый, позавчерашний.
Тёмно-серый посёлок — домов ералаш.
И огромная водонапорная башня
вместо церкви вдали завершает пейзаж.

И ползёт вдоль плетня грузовик с неохотой.
Следом розвальни тянутся возле плетня.
И поёт радиола французское что-то
из барака, в закатное марево дня.

И цепочка столбов через поле ступает.
Токи с треском в провисших бегут проводах.
Я стою. Я смотрю. И слеза подступает...
Эх, да что ж это я — при моих-то годах!

* * *

Я очнулся в неведомом мире,
в блёклой дымке ушедших времён,
за Уралом, за Обью — в Сибири,
в деревушке, где царствует сон,

среди болот, среди хляби зелёной,
где ночами вздыхает сова,
где корнями, стволами и кроной
тыщевёрстно сплелись деревья,

где лошадка понурая ходит,
лебеда возле церкви растёт...
Эта жизнь всё проходит, проходит...
Всё никак не пройдёт, не пройдёт...

Воздух чист. Небеса не прогоркли.
А лесник работающ и небрит.
Лишь долблёнку сменил на моторку,
глушит рыбу и в уток палит.

А поляны цветочные — в волнах,
под ногой голубика хрустит,
и ромашка — с хороший подсолнух,
и осклизлый маслёнок блестит.

Небосвод неколеблем и вечен.
Цельный мир! И ясна голова.
И поёт невидимка-кузнечик,
и по грудь золотая трава.

О РУССКОЙ ДУШЕ

В старинной обжитой Европе,
исполненной благородных традиций,
не сжигают свои города, если их взял неприятель,
как мы сожгли Москву в 1812 году.

Не обороняют города до полного самозабвения,
как мы обороняли Ленинград.

Наполеон брал целёхоньким Берлин,
Гитлер брал целёхоньким Париж...
Как это гуманно и как удобно!

В старинной обжитой Европе,
исполненной благородных традиций,
не ездят по таким дорогам, как у нас, —
там они считаются непроходимыми...

И столько стихов не читают,
столько спиртного не пьют,
по родине так не скучают,
песен таких не поют...

1982

* * *

Два часа пополудни, а вечер.
Мгла. Огни сухогруза видны.
Снег, да брызги, да воющий ветер,
да размытое око луны.
Рядом остров — маяк за дорогой,
лысый берег, скупое жильё...
Острый нож красоты этой строгой
проникает под сердце моё.
Я смотрю: что ж, и это Россия,
где полгода полярная тьма.
Всё равно — здесь настолько красиво,
что от этого сходишь с ума.
Я под снегом стою перекрестным
и придавлен, как будто бедой,
этим Севером, диким и честным,
беспощадной его красотой.

ПОХОРОНЫ ТВАРДОВСКОГО

Этот день был скуден и не долог.
Тусклый свет витал над головой.
Я запомнил запах свежих ёлок,
монастырь огромный, снеговой.

Этот день, наверное, обыден
у природы вечной на кругу.
Был покойник так и не увиден
за толпой, сомкнувшейся в снегу.

Но открылось странное явление
(я принять такое не готов):
я читал тоску и потрясенье
даже по глазам его врагов.

И слеза особенного рода
мир разъяла — несколько минут
забивали гвозди в крышку гроба.
Это был единственный салют.

Бухали и вскрикивали доски,
отдаваясь в сердце и в мозгу.
И, казалось, Александр Твардовский
всё сопротивлялся молотку.

А потом мелькнули, поразили
и исчезли в мареве Москвы
скорбный профиль совести России
и седины маленькой вдовы.

СТИХИ МАСТЕРА

И. Б.

Слова летят, обильны, как листва.
Но нет ствола, ветвей, корней предмета.
Тут может быть избыток мастерства,
но нет тепла и щедрости поэта.

И, может, стоит время побережь
и не вникать в повадочку уродца.
Сей серый сумрак может и увлечь,
но никогда душа не отзовётся.

Нет Бога — и не будет ничего.
Нет отклика — холодная пустыня.
Лишь цепкий ум, да злое мастерство,
да едкая бесовская гордыня.

* * *

Я стою и смотрю в эти блёклые дали:
три коровы, коза, травяной бережок.
Дальше горстка домов. Средь вселенской печали
это место Господь всё ещё бережёт.

Прохожу через лес, через поле и речку...
Словно стайка гусей, стайка храмов встаёт.
А кругом гомонит суматошно-беспечный,
нежно окающий полупьяный народ.

Мутно смотрит в глаза, голубо или сине.
Ворошит огород, где картошке цвести...
Сколько раз Бог спасал бедолагу Россию,
неужели теперь не сумеет спасти?

Но не нужен я им. И глаза их враждебны.
Изобьют иль убьют... Я мгновения длю...
Всё равно я люблю эти выси и бездны,
это поле, и речку, и рощу люблю.

Сколько мыслей больных; сколько чувств виноватых!
Я, наверно, уеду, но помнить хочу
этот сбор белогрудых церквей гусеватых.
Я и сам по-над ними взлетаю... лечу...

Поздравляем нашего нового автора, впервые
публикующего стихи в журнале, с 75-летием!